

трудностей и противоречий процесса профессионального становления молодых учителей является необходимым условием для проведения соответствующей коррекционной работы.

Ключевые слова: адаптация, профессиональное самоопределение, профессиональное становление, профессиональная подготовленность, профессионально-педагогическая деятельность, решение молодым учителем педагогических задач.

The article discusses some aspects of professional training of young teachers for vocational and educational activities.

During the introspection young teachers have to compare planned and actually taken steps to assess their pedagogical appropriateness, correlate teaching situation with other / similar and different / interpret the factors that affect the achievement of the objective, outline and evaluate other potential options for implementation of educational interaction, make constructive conclusions for professional self and further educational activities.

It is worth noting some fundamental, in our opinion, circumstances:

1. Pedagogical training of teachers should involve readiness to solve pedagogical problems, based on the fact that practical experience and theoretical analysis indicate inefficient use for this purpose standardized test methods. Similar conclusions come and foreign scientists search for ways to make evaluation of teachers based on expert judgments with specific benchmarks that were set to a specific school district and university, dealing with teacher training.

2. The introduced approach focuses on the identification and assessment of personal qualities of young teachers absent; last assessed in shoot video, but not so much in terms of verbal structures, but because of their / adequate or inadequate / concrete expression of actors, including values, affective and personal displays in the style of pedagogical communication.

3. The displayed corrective character should exist, when diagnosis of certain difficulties and contradictions of the process of professional development of young teachers is a prerequisite for appropriate remedial work.

Key words: adaptation, professional self-determination, professional development, professional training, professional and educational activities, young teacher, solving educational problems.

УДК 159.922

Карандашев Юрий Николаевич ,

доктор психологических наук, профессор,

Университет им. Яна Кохановского в Кельцах, Польша.

ИСТОКИ ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ В ТРАКТАТЕ «О ДУШЕ» АРИСТОТЕЛЯ

Психология всегда заявляла себя наукой, берущей свое начало от Аристотеля. Однако идея происхождения, центральная для «Трактата о душе», современной психологией опускается, заменяясь мало обязывающим философским принципом развития. Поэтому цель данной статьи – показать, как выглядит идея происхождения в «Трактате о душе» и какой формальный аппарат ее описывает. Результаты анализа позволяют взглянуть на структуру современной психологии под иным, эволюционным углом зрения, пока еще чуждым для психологии.

Ключевые слова: идея происхождения, Аристотель, «Трактат о душе»

Историческая справка. Свое начало современная психология ведет от древнегреческих мыслителей. Ее развитие начинается анимизмом – мифологическим представлением о духах, которые ведут нас по жизни, а когда последняя заканчивается, покидают наши тела. Развитие психологии продолжается гиллозоизмом – представлением о всеобщей одушевленности мира, которое сменяет предшествующее мифологическое сознание. Идеи гиллозоизма получили свое развитие в трудах Гераклита и Демокрита, которые уже вполне осознанно ставили проблемы психологии и решали их. Так, например, Демокрит выделял две ступени познавательного процесса: ощущение и мышление. Следует упомянуть также учение Гиппократов о темпераментах, который перенес представление о стихиях, как способе организации внешнего мира, внутрь человека, что позволило ему создать одну из первых типологий.

Естественно-научная направленность понимания психики нашла свое отражение в трудах Алкмеона, который назвал мозг человека органом души, что было принято также и Гиппократом, рассматривавшим мозг

как большую железу. Поисками разумного начала в окружающем мире занимался и Анаксагор, который считал, что оно присуще всему окружающему, но в разной степени. Поздней появились софисты, т.е. учителя мудрости, а за ними и Сократ со знаменитым тезисом «Познай самого себя». Его ученик Платон своими трудами поднял своего учителя на пьедестал науки и в своем учении о царстве идей значительно продвинул вперед существовавшие до него представления о душе.

Отдавая дань великому наследию перечисленных мыслителей, следует однако отдельно остановиться на заслугах Аристотеля. Недолго оставаясь учеником Платона, молодой Аристотель создал свою научную школу и потом настолько преуспел в развитии науки, что мы до сих пор считаем его отцом психологии. Впрочем, отцом его считают и представители других наук. Отказавшись от мысли Платона о параллельности физических тел и безтелесных идей, Аристотель объединяет эти два мира, рассматривая *душу как способ организации живого тела*. Собственно, с этой идеи и начинается психологическая наука.

Схема розвитку. Основним источником в наследии Аристотеля, на который ссылаются историки психологии, является знаменитый трактат «О душе» (Аристотель. О душе / Сочинения в 4-х томах. Том 1. Москва: «Мысль», 1975, с. 369-448. – Здесь и далее все ссылки будут даваться на этот источник). Однако целью предлагаемого ниже анализа является не весь трактат (работ, ему посвященных, в литературе более чем достаточно), а те отдельные, зачастую очень большие, его части, в которых раскрывается схема развития, предлагаемая Аристотелем. Нам представляется, что эта сторона трактата освещалась в литературе по истории психологии фрагментарно, без должного анализа основных ее положений. Поэтому нашей целью в данном тексте является, с одной стороны, формальный анализ аристотелевой схемы развития и, с другой – реконструкция фило- и онтогенетической типологии форм жизни (а соответственно, души и психики), как ее понимал автор трактата «О душе».

Вводное утверждение Аристотеля: «Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы. Ведь душа есть как бы начало живых существ» [с. 371] – не оставляет сомнений в том, что он понимал, за решение какой задачи взялся. Вопрос о позиции, которую он занимает, приступая к решению данной задачи, также очевиден: «... состояния души неотделимы от природной материи живых существ» [с. 374]. И наконец, метод, которым он намеревается решать эту задачу, – сравнительный: «Итак, отправляясь в своем рассмотрении от исходной точки, мы утверждаем, что одушевленное отличается от неодушевленного наличием жизни [с. 396]. Собственно, это и есть отправная точка его анализа: *есть жизнь – есть душа, нет жизни – нет души*. Иначе говоря, душа начинает им рассматриваться на том нижнем предельном уровне, ниже которого говорить о ней уже не имеет смысла.

Вводя предлагаемую им схему развития, Аристотель пишет:

«... в последующем всегда содержится в возможности предшествующее» [с. 400].

Чтобы сделать эту мысль более прозрачной, обозначим рассматриваемый объект буквой А, а его состояния индексом i при этом А. Тогда получим ряд вида: ..., A_{i-1} , A_i , A_{i+1} , Каждый элемент A_i этого ряда выступает как последующий по отношению к A_{i-1} , который, в свою очередь, является предыдущим по отношению к нему. Аналогично, каждый элемент A_i выступает как предыдущий по отношению к A_{i+1} , который, в свою очередь, является последующим по отношению к нему.

Мысль Аристотеля, выраженная в приведенной цитате, состоит в утверждении, что каждое A_i содержит в себе A_{i-1} . Аналогично, A_{i+1} содержит в себе A_i . Отсюда следует, что A_{i+1} содержит в себе также и A_{i-1} . Обобщая же, можно утверждать, что A_i содержит в себе каждое из A_{i-n} , где n означает удаленность определенного прошлого состояния А от настоящего его состояния и принимает значения 1, 2, ... i . Заменяя «содержит в

себе» на формальное отношение включения, схему Аристотеля можно представить следующим образом: ... < A_{i-1} < A_i < A_{i+1} < Очевидно, данная последовательность относится к порядковой шкале, где критерием упорядочивания элементов множества всех А выступает отношение включения.

Развертывая далее формальную сторону аристотелевой схемы развития, поставим задачу выразить A_{i+1} через A_i . Для этого введем ΔA_{i+1} такое, что $A_{i+1} = A_i * \Delta A_{i+1}$. Распространяя этот принцип на i , получаем: $A_i = A_{i-1} * \Delta A_i$, а распространяя его на $i-1$, имеем: $A_{i-1} = A_{i-2} * \Delta A_{i-1}$. Получив новую последовательность ..., ΔA_{i-1} , ΔA_i , ΔA_{i+1} , ... – являющуюся рядом изменений, фактически заменяем исходную последовательность на ряд ..., ... * ΔA_{i-1} , ... * $\Delta A_{i-1} * \Delta A_i$, ... * $\Delta A_{i-1} * \Delta A_i * \Delta A_{i+1}$, ... – в котором общий член имеет вид:

$$A_i = \prod_{j=0}^i \Delta A_j$$

Тогда элемент A_{i+1} зависит от элемента A_i следующим образом:

$$A_{i+1} = A_i * \Delta A_{i+1}$$

При этом возникает вопрос о нулевом элементе последовательности ..., A_{i-1} , A_i , A_{i+1} , ... , т.е. A_0 . Чтобы произведение $A_0 * \Delta A_1 = A_1$ имело смысл, т.е. в A_1 было только содержание ΔA_1 , а A_0 никакого содержания не несло – элемент A_0 должен быть принят за единицу I. И тогда получается $A_1 = A_0 * \Delta A_1 = I * \Delta A_1 = \Delta A_1$. Напоминаем, речь идет здесь только о формальной стороне рассматриваемой схемы развития.

Данная интерпретация исходного положения Аристотеля:

«... в последующем всегда содержится в возможности предшествующее» [с. 400].

позволяет трактовать его также и в обратную сторону, а именно, что предшествующее является основой последующего, что элемент A_i является основой возникновения элемента A_{i+1} . Непосредственной же причиной превращения первого элемента во второй является ΔA_{i+1} . Отсюда вытекает, что элемент A_{i+1} является результатом действия двух составляющих: предшествующего элемента A_i и последующего изменения ΔA_{i+1} .

Предложенная формализация показывает, как происходит развитие, т.е. как из предшествующего состояния возникает последующее. Однако она не отражает тот факт, что предшествующий элемент продолжает существовать рядом с последующим. Вместе с тем, Аристотель прямо об этом пишет: «Растениям присуща только растительная способность, другим существам – и эта способность, и способность ощущения» [с. 399]. – Иначе говоря, должно иметь накопление, аккумуляция предыдущих элементов.

Множество элементов, существующих в момент времени i , обозначим символом B_i и представим условно в виде суммы $A_0, A_1, \dots A_i$:

$$B_i = \sum_{j=0}^i A_j$$

Тогда множество элементов V_{i+1} будет зависеть от суммы элементов V_i следующим образом:

$$V_{i+1} = V_i + A_{i+1}.$$

В результате мы получили формальное описание схемы развития, лежащее в основе трактата «О душе». Понятно, что с содержательной точки зрения оно является выхолощенным. Однако очевидно, что без данной схемы развития все конкретное содержание трактата теряет большую долю своей научной ценности.

С содержательной точки зрения аристотелева схема развития допускает двойную интерпретацию. Принимая элементы A_0 , A_1 , A_2 и A_3 за соответственно неодушевленный, растительный, животный и человеческий миры, мы получаем системы V_0 , V_1 , V_2 и V_3 , которые понимаются соответственно как неодушевленный мир, неодушевленный и растительный миры, неодушевленный, растительный и животный миры и, наконец, неодушевленный, растительный, животный и человеческий миры. Данная интерпретация предполагает, что когда-то система мира состояла только из неодушевленных объектов, потом преобразовалась в систему, состоящую из неодушевленных объектов и растений, потом превратилась в систему, состоящую из неодушевленных объектов, растений и животных, а уж затем дополнилась миром людей. Отсюда следует, что данная интерпретация носит филогенетический характер, а потому принадлежит более к эволюционной биологии, чем к психологии.

Принимая же элементы A_0 , A_1 , A_2 и A_3 за соответственно свойства (способности – в терминологии Аристотеля), отличающие неодушевленные, растительные, животные и человеческие объекты, мы получаем системы V_0 , V_1 , V_2 и V_3 , которые понимаются соответственно как наборы свойств, характеризующие соответственно неодушевленные, растительные, животные и, наконец, человеческие объекты. Данная интерпретация предполагает, что неодушевленные объекты не обладают свойствами, позволяющими считать их живыми, т.е. одушевленными, а потому $V_0=A_0=I$. При этом не следует думать, что любой неодушевленный объект может быть основой возникновения растительного объекта, т.е. в силу его отрицательного определения A_0 автоматически приравнивается единице I . Далее, рассматриваемая интерпретация предполагает, что растительный объект обладает, с одной стороны, свойством материальности (термин Аристотеля), а с другой, растительной способностью, т.е. свойством роста, к которому Аристотель относит способности воспроизведения и питания. Затем эта интерпретация предполагает, что животный объект обладает, с одной стороны, свойством материальности, с другой, растительной способностью и, с третьей, животной способностью (первичное осязание, связанное с желаниями и стремлениями, а также чувства – по Аристотелю). И наконец, данная интерпретация предполагает, что человеческий объект обладает, с одной стороны, свойством материальности, с другой, растительной способностью, с третьей,

животной способностью и, с четвертой, человеческой способностью (размышление, познание, ум и др. – по Аристотелю). Отсюда следует, что данная интерпретация носит онтогенетический характер, а потому принадлежит более к сравнительной психологии развития, чем к биологии.

Трактат «О душе» ориентирован, конечно, более на сравнительную психологию развития. Однако его основные положения были использованы как биологией (первая интерпретация), так и психологией (вторая интерпретация). Более того, думается, что эти два вида интерпретации являются не столько противоположными, сколько взаимно дополняющими.

Типология души. Как было показано выше, аристотелева схема развития носит аккумулятивный, накопительный характер. Все, возникающее на предыдущем этапе развития, передается на последующий этап развития. И хотя Аристотель прямо не пишет о том, что растения превращаются в животных, а последние – в человека, мыслью об эволюции, и вытекающего из нее представления о филогенезе, проникнута типология души, начинающаяся от души растения, переходящая к душе животного и завершающаяся душой человека. Таким образом, идея происхождения, представленная отношением включения, связывающим души растений, животных и человека, лежит в основе аристотелевой схемы развития.

Свою типологию души Аристотель строит на основе рассмотренной выше формальной схемы развития. «С относящимся к душе дело обстоит почти также, как с фигурами, вот в каком еще смысле. А именно: и у фигур, и у одушевленных существ в последующем всегда содержится в возможности предшествующее, например: в четырехугольнике – треугольник, в способности ощущения – растительная способность. Поэтому надлежит относительно каждого существа исследовать, какова у него душа, например: какова душа у растения, человека, животного. Далее нужно рассмотреть, почему имеется такая последовательность» [с. 400].

Отсюда видно, что типология Аристотеля носит одновременно фило- и онтогенетический характер. В ней выделяются три формы жизни: растительная, животная и человеческая. Основываясь на данной типологии и свойствах, определяющих каждую конкретную форму жизни (и соответственно, души), Аристотель проецирует их далее на онтогенез развития. В этом качестве названные формы жизни, с присущими им свойствами, становятся уже структурными элементами определенных типов души.

И поскольку типология души опирается на рассмотренную выше схему развития, Аристотель начинает ее построение с понятия жизни. «Итак, отправляясь в своем рассмотрении от исходной точки, мы утверждаем, что одушевленное отличается от неодушевленного наличием жизни» [с. 396]. То есть снова, *душа есть там, где есть жизнь*, а соответственно, ее нет там, где нет жизни. Из этого следует необходимость определения жизни в ее простейшей форме. И тогда из этого определения будет вытекать определение простейшей формы души.

Первым типом души, т.е. A_1 , являющейся начальной формой жизни, Аристотель называет растения, т.е. растительный мир. «Таким образом, нужно прежде всего поговорить о пище и воспроизведении. Ведь растительная душа присуща и другим, [а не только растениям], она первая и самая общая способность души, благодаря ей жизнь присуща всем живым существам. Ее дело – воспроизведение и питание» [с. 401]. – Поэтому мы с полным основанием можем интерпретировать элемент A_1 в схеме Аристотеля как мир растений, основными функциями которого являются воспроизведение и питание. Более простых форм жизни во времена Аристотеля было не известно, а потому, согласно его взглядам, элемент A_0 , предшествующий растительному миру, является миром неодушевленным, т.е. лишенным жизни, а соответственно, и души как ее основного свойства.

Правда, современная биология выделяет еще три царства (термин из систематики жизни), предшествующие царству растений. Речь идет о царстве вирусов, царстве клеточных и царстве грибов. Царству вирусов никакие другие формы жизни не предшествует, да и само это царство считается жизнью эпизодической (если есть питательная среда – вирус размножается, т.е. живет, а нет среды – пребывает в состоянии забвения). Царство клеточных использует, скажем так, генетические разработки царства вирусов и благодаря клетке, как постоянно действующей питательной среде, в которой находится вирусный механизм наследственности, ведет жизнь уже не эпизодическую, а постоянную, не прекращающуюся. Что до царства грибов, то оно отличается от царства клеточных тем, что здесь клетки уже объединились и образуют ткани органов, взаимодействующих между собой и составляющих организм. Переход же к царству растений основывается на автотрофном механизме синтеза органических веществ из неорганических.

Таким образом, выделяя в качестве характеристик растительного мира функции воспроизведения и питания, Аристотель был не то, что далек от истины, а напротив, даже очень близок. Царство вирусов является первым уровнем, на котором возникает функция воспроизведения себе подобных. Царство клеточных является первым уровнем, на котором возникает функция питания. Что до царства растений, то здесь даже у современной биологии нет полной ясности. Однако к Аристотелю это уже не имеет прямого отношения.

Вторым типом души, т.е. A_2 , является, по Аристотелю, мир животных. «Таким образом, благодаря этому началу (растительному – Ю.К.) жизнь присуща живым существам, но животное впервые появляется благодаря ощущению; в самом деле, и такое существо, которое не движется и не меняет места, но обладает ощущением, мы называем животным, а не только говорим, что оно живет» [с. 397]. И далее: «Из чувств всем животным присуще прежде всего осязание. Подобно тому как способность к питанию возможна отдельно от осязания и всякого [другого] чувства, так и осязание возможно отдельно от других чувств» [с. 397].

И еще: «Все животные обладают по крайней мере одним чувством – осязанием. А кому присуще ощущение, тому присуще также испытывать и удовольствие и печаль, и приятное и тягостное, а кому все это присуще, тому присуще и желание: ведь желание есть стремление к приятному. Далее, животные имеют ощущение, вызываемое пищей: именно осязание есть такое ощущение. В самом деле, все животные питаются чем-то сухим и влажным, теплым и холодным, а все это воспринимается посредством осязания. Другие ощущаемые свойства воспринимаются осязанием привходящим образом: ведь ни звук, ни цвет, ни запах ничего не прибавляют к питанию. Что касается вкуса, то оно одно из осязательных ощущений. Голод и жажда – это желания, а именно: голод – желание сухого и теплого, жажда – холодного и влажного, вкус же есть как бы приправа к ним. Все это требует // выяснения в дальнейшем, теперь же ограничимся утверждением, что животным, обладающим чувством осязания, присуще также стремление» [с. 399-400].

Таким образом, Аристотель напрямую выводит желания и стремления (иначе говоря, потребности и мотивы) из питания (состояний голода, жажды и др.), связывая их одновременно с первичным осязанием и ощущением, которые отличаются от вторичных ощущений, напрямую с питанием не связанных (звук, цвет, запах). Современная психология назвала бы эти первичные осязание и ощущение раздражением – в том его значении, как оно используется в физиологии. Поэтому второй, животный тип души, рассматриваемый Аристотелем, можно было бы разделить еще на два типа.

Первый относился бы к отражению внутренней среды организма, откуда, собственно, и происходят раздражение и связанная с ним феноменология эмоционально-мотивационной сферы. Второй тип относился бы к отражению внешней среды, т.е. был бы отражением ориентировочной активности организма – в значении ощущения, как его понимает современная психология. Возможность такого деления мира животных по уровням Аристотель предвидел уже тогда. «Далее, одним животным присущи все способности, другим лишь некоторые, иным – только одна (а это и составляет видовое отличие у животных). ... То же самое и с чувствами. Одни животные обладают всеми чувствами, другие – некоторыми, третьи имеют только одно, самое необходимое – осязание» [с. 398].

Еще более подчеркивая эти различия, Аристотель пишет: «В самом деле, без растительной способности не может быть способности ощущения. Между тем у растений растительная способность существует отдельно от способности ощущения. В свою очередь без способности осязания не может быть никакого другого чувства, осязание же бывает и без других чувств» [с. 400]. – Таким образом, «осязание», с одной стороны, стоит *над*, т.е. основывается на «растительной способности», а, с другой, находится *под*, т.е. является основой «других чувств», существуя вполне самостоятельно.

В качестве этих «других чувств» выступают у Аристотеля ощущения в привычном для современной

психології значення цього слова, т.е. не пов'язані з «осязанням» в значенні подразнення. «Относно будь-якого почуття необхідно взагалі признати, що воно є те, що здатно сприймати форми ощуваного без його матерії, подібно тому як воск приймає відбиток перстня без заліза або золота. Воск приймає золотий або мідний відбиток, але не тому що це золото або мідь. Подібною формою і відчуття, доставляється кожним органом почуття, відчуває щось від предмету, маючого колір, або ощуваного на смак, або виробляючого звук, але не тому що під кожним таким предметом розуміється окремий предмет, а тому що він має певну якість, т.е. сприймається як форма. Те, в чому заключена така здатність, – це початковий орган почуття» [с. 421].

І знову, черговою раз повертаючись до рослин, Аристотель пояснює, чому у них не може бути відчуттів: «Ясно також, чому рослини не відчувають, хоча у них є деяка частина душі і вони щось відчувають від осязаного; але відчувають це вони холоду і теплоту; причина в тому, що у них немає ні середнього, ні такого початку, який би сприймав форми ощуваного предмету, а вони відчувають вплив разом з матерією» [с. 422]. – Інакше кажучи, у рослин немає органів почуття, які б відображали колір, звук, запах і інші властивості оточуючого середовища, не вступаючи з ними в безпосереднє взаємодіяння. Зрозуміло, що Аристотелю тут не вистачає уявлення про нервову систему, опираючись на яку він міг би більш чітко визначити межі між рослиною і твариною. Однак він повністю адекватно компенсує відсутнє знання додатковими ознаками, в якості яких виступає первинне осязання з привходячими «желаннями», «стремліннями» і іншою феноменологією, відкриваючою первинний коло емоційно-мотиваційної сфери.

Щоб внести ясність в використовувану Аристотелем термінологію, ще раз відзначимо, що до почуттів він відносить зор, слух, дотик, смак і осязання. При цьому почуття осязання, будучи вторинними, т.е. «не відчуваючи впливу разом з матерією», відрізняються від первинного осязання, т.е. подразнення, яке ґрунтується на безпосередньому, матеріальному взаємодіянні, а не на простому соприкосновенні, в якому переважає специфічний для нього інформаційний компонент.

Переходячи до аналізу видів почуттів і їх органів до сприйняття загальних властивостей, т.е. перцепції, Аристотель пише: «Не може бути особливого органу почуття для сприйняття загальних властивостей – вони сприймаються кожним почуттям привходячим способом; такі рух, спокій, фігура, величина, число, єдність; в справі, все це ми сприймаємо при допомозі руху; наприклад, величину ми сприймаємо при допомозі руху, відповідно, і фігуру; але фігура є деякого роду величина; а спокій ми сприймаємо як відсутність руху, число – як відсутність неперервності, притом через сприймається лише якимсь-то окремим почуттям; але кожне почуття сприймає лише один [род

ощуваного]. Таким чином, ясно, що не може бути якого-будь особливого почуття для сприйняття таких властивостей, як рух: але інакше це було б так само, як ми тепер сприймаємо солодке зором. Останнє можливо тому, що ми маємо як раз почуття для сприйняття і солодкого і видимого, завдяки чому ми знаємо і те і інше, коли вони зустрічаються разом. Якщо б було не так, то ми б ніколи не сприймали [солодке зором], крім тільки привходячим способом, як, наприклад, сина Клеона – я сприймаю не те, що він син Клеона, а те, що він блідий; а для цього блідого привходяще те, що він син Клеона» [с. 424]. – Перехід від окремих видів почуттів до відображенню цілого, т.е. фактично предметному сприйняттю, Аристотель обґрунтовує через поняття руху: «ми сприймаємо при допомозі руху». Казучи сучасною мовою, рух є фактором, інтегруючим образи відчуттів в образ сприйняття, що повністю відповідає дійсності. І хоча Аристотель пише, що «ми сприймаємо», з контексту ясно видно, що образи сприйняття він відносить також і до тваринного світу.

Аналізуючи здатність уявлення (образ дійсності при відсутності відображеного предмету), Аристотель розглядає етимологію цього слова: «Так як зор є найважливіше з почуттів, то і назва його уявлення (*phantasia*) отримала від світла (*phaos*), тому що без світла не можна бачити. І завдяки тому, що уявлення зберігаються [в душі] і схожі з відчуттями, живі істоти в багатьох випадках діють відповідно до цими уявленнями: одні – тому, що не наділені розумом, – такі тварини, інші – тому, що їх розум часом затемнюється пристрастю або хворобами, або сном, – такі люди» [с. 433]. – В сучасній психології здатність запам'ятовувати і використовувати образи минулої дійсності називається пам'яттю, уявленням або репродуктивним уявленням.

Переглядаючи всі можливі доводи належності здатності уявлення до тваринного світу і світу людей, Аристотель все ж в кінці заключає: «А у деяких тваринних хоча і є уявлення, але розуму у них немає» [с. 431]. При цьому основним критерієм належності якоїсь-будь здатності душі до світу людей є у Аристотеля властивість бути не тільки дійсним, як це має місце з відчуттями, але і брешливим. Логічні значення істини і лжі присущі, по Аристотелю, тільки тим здатностям душі, в яких присутні *пряма і протилежна* точки зору, до числа яких відносяться думка, роздумування і інші душевні здатності.

Третім типом душі, т.е. А₃, є, по Аристотелю, розум людини. Щоб чітко відокремити людську душу від тваринної, роздумування від почуттєвого сприйняття, Аристотель ще раз сумує все, що стосується до тваринного світу. «В перших, відчуття того, що сприймається лише одним окремим почуттям, істинно або ж помиляється лише в незначительній ступені. Во-вторых, є відчуття того, що супроводжує такому

воспринимаемому как привходящее; в этом случае уже возможны ошибки; в самом деле, в том, что это бледное, ощущение не ошибается; но в том, есть ли бледное это или нечто другое, ошибки возможны. В-третьих, имеется ощущение общих свойств, сопряженных с теми предметами, которым присуще то, что воспринимается лишь одним отдельным чувством; я имею в виду, например, движение и величину, которые сопутствуют ощущаемому и в отношении которых больше всего возможны ошибки при чувственном восприятии» [с. 432].

Начальным этапом перехода от животной души к душе человеческой является способность воображения: «... ощущение имеется всегда, а воображение нет. Если бы они были в действии одно и то же, то, быть может, воображение было присуще всем животным» [с. 431]. И еще: «Воображение же есть нечто отличное и от ощущения, и от размышления; оно не возникает без ощущения, а без воображения невозможно никакое составление суждений; а что воображение не есть ни мышление, ни составление суждений – это ясно» [с. 430]. – Собственно, роль воображения в том и заключается, что оно отрывается от отображаемого объекта и через этот отрыв становится произвольным, не связанным параметрами «здесь» и «сейчас». Правда, за это ему приходится рассчитываться возможной неадекватностью образа объекта. «Но воображение не принадлежит ни к одной из тех способностей, которые всегда достигают истины, каковы познание и ум. Ведь воображение бывает также и обманчивым» [с. 431].

Определив, чем воображение отличается от ощущения, Аристотель показывает, чем воображение отличается от начальных форм мышления. «Таким образом, остается рассмотреть, не есть ли воображение мнение: ведь мнение бывает и истинным и ложным. Но с мнением связана вера (в самом деле, не может тот, кто имеет мнение, не верить этому мнению), между тем ни одному из животных вера не свойственна, воображение же – многим» [с. 431]. И еще: «Итак, очевидно, что воображение не может быть ни мнением, которым сопровождается чувственное восприятие, ни мнением, основывающемся на чувственном восприятии, ни сочетанием мнения и чувственного восприятия» [с. 431]. – Отсюда следует, что Аристотель, с одной стороны, ставит воображение выше ощущения, поскольку оно не привязано к отображаемому объекту, а с другой, лишает воображение свойств мышления. Поэтому-то оно и является начальным этапом перехода от животной души к душе человеческой.

Указывая же на особую роль воображения в развитии мышления, Аристотель пишет: «А так как мышление есть нечто отличное от ощущения и оно кажется, с одной стороны, деятельностью представления, с другой – составлением суждений, то после рассмотрения воображения надо будет сказать и о мышлении. Итак, если воображение есть то, благодаря чему у нас возникает, как говорится, образ, притом образ не в переносном смысле, то оно есть одна из тех способностей или свойств, благодаря которым мы различаем, находим истину или заблуждаемся. А таковы

ощущение, мнение, познание, ум» [с. 430]. – Дополняя ряд способностей, поданный здесь Аристотелем, способностью воображения, получаем следующую последовательность: ощущение, воображение, мнение, познание, ум.

Этапом, следующим за воображением, являются названные выше формы мышления. «Итак, ясно, что ощущение и разумение не одно и то же. Ведь первое свойственно всем животным, второе – немногим. Не тождественно ощущению и мышление, // которое может быть и правильным и неправильным: правильное – это разумение, познание и истинное мнение, неправильное – противоположное им; но и это мышление не тождественно ощущению: ведь ощущение того, что воспринимается отдельным чувством, всегда истинно и имеется у всех животных, а размышлять можно и ошибочно, и размышление не свойственно ни одному существу, не одаренному разумом» [с. 429-430]. – В ранее приведенной цитате Аристотель пишет о мнении, понимая под этим словом высказывание, в истинность которого его автор верит. При этом сам факт веры, факт существования высказывания в качестве утверждения – допускает мысль, что данное мнение может быть и ошибочным, ложным, т.е. не соответствующим действительности. Наличие этих двух логических значений: истины и лжи – Аристотель считает неотъемлемым признаком человеческой души. На этом мы закончим изложение типов души и соответствующих им способностей, как они представляются в трактате «О душе». Подводя итог проведенному анализу, достаточно указать на схему развития, лежащую в основе трактата, и вытекающую из нее типологию души и ее способностей. Хочется особо отметить, что Аристотель оставляет ее открытой, допуская возможность ее расширения снизу, что, собственно, и имело место в биологии. Однако он оставляет возможность ее расширения и сверху, что представляется нам фантастическим даже сегодня, а во времени Аристотеля – просто невозможным. Итак, читаем: «Кроме того, некоторым живым существам присуща способность движения в пространстве, иным – также способность размышления, т.е. ум, например людям и другим существам такого же рода или *более совершенным, если они существуют* (выделено мною – Ю.К.)» [с. 400].

Заключение. Проведенный нами анализ «Трактата о душе» Аристотеля однозначно показывает, что психические процессы, состояния и свойства понимались им исключительно в эволюционном: филогенетическом и онтогенетическом – планах. Однако психология, заявляющая себя происходящей от «Трактата о душе», странным образом растеряла главное его достояние – идею происхождения. Именно этим, на мой взгляд, объясняется ее аморфность, ее бесструктурность, ее бездеятельность. И отсюда главный лозунг: чтобы вдохнуть в современную психологию жизнь, надо вернуться к идее происхождения. Лишь тогда в психологии осуществится то, о чем писал Л.С. Выготский – взамен «нормальной психологии взрослого человека» появится действительно общая, объясняющая психология.

Психологія завжди заявляла себе наукою, яка бере свій початок від Аристотеля. Однак ідея походження, центральна для «Трактату про душу», сучасною психологією опускається, замінюючись мало зобов'язуючим філософським принципом розвитку. Тому мета даної статті – показати, як виглядає ідея походження в «Трактаті про душу» і який формальний апарат її описує. Результати аналізу дозволяють поглянути на структуру сучасної психології під іншим, еволюційним кутом зору, поки все ще чужим для психології.

Ключові слова: ідея походження, Аристотель, «Трактат про душу».

The psychology always declared itself a science beginning from Aristotle. However the idea of an origin, central for the treatise "On the Soul", is neglected by psychology, being replaced with poorly obliging philosophical principle of development. Therefore the purpose of given article is to show, how the idea of an origin looks out in the treatise "On the Soul" and what formal apparatus it describes. Results of the analysis may allow looking at structure of modern psychology under other, evolutionary perspective, alien for modern psychology.

From a substantive point of view the Aristotelian scheme of development "the preceding is always contained potentially in the succeeding" – allows double interpretation. Taking elements A_0 , A_1 , A_2 and A_3 as respectively inanimate (A_0), vegetable (A_1), animal (A_2) and human (A_3) worlds, we get systems B_0 , B_1 , B_2 and B_3 , which are understood respectively as the inanimate world (B_0), inanimate and vegetable worlds (B_1), inanimate, vegetable and animal worlds (B_2) and, finally, inanimate, vegetable, animal and human worlds (B_3). This interpretation presumes that in former times the system of the world consisted only of inanimate objects, and then transformed into a system consisting of inanimate objects and plants, then transformed into a system consisting of inanimate objects, plants and animals, and only then was supplemented by the human world. Hereof it follows that this interpretation has a phylogenetic character, and therefore belongs seemingly more to the evolutionary biology than to psychology. However, the analysis of the "Treatise of the soul" clearly shows that Aristotle studied mental processes, states and properties that were understood them exclusively in evolutionary, phylogenetic and ontogenetic, planes.

Key words: idea of an origin, Aristotle, „On the Soul”

УДК 159.922.2

Корнієнко Інокентій Олексійович,
кандидат психологічних наук, доцент,
Мукачівський державний університет

КОРЕКЦІЯ ОПАНУВАЛЬНОЇ ПОВЕДІНКИ У РОЗРІЗІ АНАЛІЗУ ПОНЯТТЯ «СИТУАЦІЇ» У ПСИХОЛОГІЇ

В статті розглянуто різні підходи стосовно розуміння поняття «ситуація» з психологічної точки зору. Схарактеризовано зв'язок між середовищем і ситуацією, а також охарактеризовано різні підходи до розуміння особистості через її включеність у ситуацію. Визначено роль опанувальної поведінки у розгортанні психологічних ситуацій. Виділено базові критерії для класифікації опанувальної поведінки особистості. Описано базові стратегії опанувальної. Проаналізовано дослідження щодо конструктивності поведінки особистості у складних життєвих ситуаціях. Запропоновано тренінгові засоби, що сприятимуть покращенню репертуару опанувальної поведінки особистості.

Ключові слова: ситуація, опанування, стратегії опанування, поведінка, середовище, життєвий шлях, важка ситуація

Постановка проблеми. Не тільки дії особистості у складній життєвій ситуації, але і погляди дослідників у галузі психології на їх структуру і підходи до корекції, оптимізації чи покращення мають суперечливий і неоднозначний характер що залишає дану проблему відкритою і край актуальною особливо у сучасних умовах України. Розвиток процесу опанування складними ситуаціями ставить перед українським суспільством вкрай важкі задачі, які потрібно вирішувати без досвіду, адже досі, на жаль, кількість людей, які потрапляють у складні життєві обставини і ситуації суттєво не зменшується. Існує багато поглядів на елементи даного процесу, і який з них є оптимальним досі невідомо, але ми можемо чітко стверджувати лише те, що процес опанування ситуацією має розглядати у взаємозв'язку особистісних та ситуаційних параметрів.

Враховуючи те, що дана проблема є актуальною,

та, попри це, детально не розроблено, в даній статті ми поставили перед собою мету проаналізувати з точки зору психології особливості формування поведінкового опанувального алгоритму особистості в умовах важких життєвих ситуацій. Розглядати явище будемо з позицій ситуативно-особистісного підходу.

Аналіз останніх досліджень і публікацій

Визначення ситуації відбувається на різних рівнях – від глобального до деталізованого. Згідно Д. Магнусона [7], пропонується визначення ситуації на 5 рівнях. Це:

Стимули – ними виступають окремі дії або об'єкти.

Епізоди – особливі події важливого значення, які мають наслідок і причину.

Ситуації – мають часові, фізичні та психологічні параметри, визначаються зовнішніми умовами. Стимули